

**КНЯЗЬ ФЕДОР И ЯКОВ БАРЯТИНСКИЕ НА СУРГУТСКОМ
ВОЕВОДСТВЕ (К РАННЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ
КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО ПРИОБЬЯ)****Я. Г. Солодкин***Нижневартровский государственный университет*

Поступила в редакцию 9 декабря 2022 г.

Аннотация: при основании в 1594 г. Сургута его воеводой являлся носивший чин жильца князь Федор Бяратинский; в начале XVII в. ту же должность занимал Яков Бяратинский, разжалованный в отличие от старшего брата из дворян московских в выборные. Будучи в Сургуте, эти воеводы вместе со своими «товарищами» – письменными головами – занимались строительством крепости, объясачиванием либо предотвращением «шатости» остяков, разграничением ясачных волостей; князь Яков, кроме того, участвовал в подготовке очередной мангазейской экспедиции и похода на Кеть, где служилые люди «срубили» еще один острог.

Ключевые слова: Северное Приобье, его колонизация, Сургут, князья Ф. П. и Я. П. Бяратинские, боярские списки, «Утвержденная грамота» Земского собора 1598 г., жилец, дворянин московский, воеводское управление, «ясачные люди», сооружение Мангазейского и Кетского острогов.

Abstract: when Surgut was founded in 1594, its governor was Prince Fyodor Baryatinsky, who had the rank of a tenant; at the beginning of the 17th century, the same position was held by Yakov Baryatinsky, demoted, unlike his elder brother, from the nobility of Moscow to the elect. While in Surgut, these governors, together with their «comrades» – departmental heads – were engaged in the construction of a fortress, fur tax collecting or preventing the «unsteadiness» of the Ostyaks, delimiting fur collecting districts; Prince Yakov, in addition, participated in the preparation of the next Mangazeya expedition and a trip to Ket, where the service people had built another stockade settlement.

Key words: Northern Ob region and its colonization, Surgut, princes F. P. and Ya. P. Baryatinsky, lists of boyars, 1598 Zemsky Sobor Declaration, tenant, Moscovite nobleman, voivode government, fur tax collectors, Mangazeya and Ket stockade settlements.

Летом 1594 г. на территории «Бардакова княжества» был основан Сургут – первый русский город в Среднем Приобье. Относительно небольшой по численности гарнизон этой крепости сыграл существенную роль в дальнейшей российской колонизации Западной Сибири. К началу существования Сургута относится и возникновение новой административной системы в «остяцкой стране».

К. В. Петров обратил внимание на то, что среди воевод «Сургутского города» двое являлись старшими сыновьями князя П. И. Бяратинского, а их младший брат позднее управлял Верхотурским уездом [1, с. 165–166].

Не отличавшиеся знатностью [2, с. 17, 18, 114, 133, примеч. 48] Бяратинские принадлежали к черниговской ветви Рюриковичей. Князь Петр Иванов сын – дворовый сын боярский по Кашире, опричник [3, с. 135, 256, и др.], известный военачальник и ди-

пломат конца царствования Ивана Грозного, в последней четверти XVI в. был дворянином московским [4, с. 88, 128, 185; 5, с. 43, 50]. (Утверждения, будто П. И. Бяратинский относился к стольникам и в 1595 г. возводил крепость в Сургуте [6, с. 279], ошибочны.) В 1591 г. князь Петра, получившего назначение в Новгород, за местнический спор с П. Н. Шереметевым в опале, причем вместе с детьми, сослал в Сибирь, где строптивый дворянин оказался в числе воевод Тюмени и Тобольска [7, с. 284, 350, 351; 8, с. 487; 9, с. 205; 10, с. 41, 68, 79, и др.].

Старшие сыновья П. И. Бяратинского Федор и Яков упоминаются в документах с осени 1588 г. как жильцы [4, с. 111], а зимой 1589–1590 гг. участвовали «в подрындах... у большого саадака» в «немецком» (шведском) походе «святоцаря» Федора Ивановича. (Заметим, что с прозвищем «Борец», которым наделил Ф. П. Бяратинского ряд историков, начиная с Е. В. Богдановича [см., напр.: 11, с. 417, 420, 649], этот князь в источниках конца XVI – первой трети

XVII в. не упоминается.) Мнение В. Д. Пузанова, будто первый сургутский воевода обязан такой должностью отцу, положение которого в Сибири к началу 1594 г. упрочилось, маловероятно [12, с. 172, примеч. 9]. Видимо, «большой» сын П. И. Барятинского помогал отцу управлять Тобольском с Тюменью и приобрел тем самым некоторый административный опыт, почему молодого князя (он, не исключено, родился в конце 1570-х гг.) в Москве решили определить на воеводство в город, который еще лишь предстояло «поставить» «в Сургуте» (как в то время называлась «целая область», располагавшаяся по соседству с «Безековой волостью») [13, с. 82, примеч.; 14, с. 100]).

Князь Федор, видимо, прибыл к месту, где Сальма впадает в «великую» Обь, уже тогда, когда там высились стены и башни новой крепости. К их строительству приступили служилые люди, «прибранные» на «Руси», березовцы, тоболяки, казаки и «литва» из Мансуровского городка, который было приказано «розломать и жгечи», а также кодские остяки и «бардаковы люди» под предводительством письменного головы В. В. Аничкова (Оничкова) [7, с. 350]; в числе первых построек в городе возвели Троицкую церковь. (Считать, что Аничков, числившийся в то время «казанским жильцом», т. е. городским дворянином, являлся в Сургуте воеводой [14, с. 100; 15, с. 92, 94, 97; 16, с. 94, и др.], не стоит.) Барятинский привел с собой к устью Сальмы «пермич двадцать человек плотников», очутившихся в Тобольске в отряде князя А. В. Елецкого (он направлялся «с Руси» в Среднее Прииртышье для «устройства» «Тарского города») [7, с. 351], и, вероятно, служилых людей. З. Я. Бояршинова и В. Ю. Софронов ошибочно считали, что Федор Петров сын прибыл на берега Сальмы из Москвы. Утверждать, будто ему поручалось отвести плотников, набранных в Пермском крае, из Сургута «на Тару» [17, с. 33, и др.], тоже не приходится.

Строительство укреплений второго по счету (вслед за Березовым) русского города в «Югорской земле» затянулось до весны 1596 г. [18, с. 156; 19, с. 135, 136; 20, с. 310, и др.]. Ф. П. Барятинский же, вероятно, покинул этот город в конце весны либо начале лета 1595 г., т. е. пробыл там менее года, если следовать наказу от 10 февраля 1595 г. новым администраторам Сургута воеводе О. Т. Плещееву и письменному голове И. И. Колемину; В. В. Аничков же переводился на должность местного казачьего или стрелецкого головы, причем единственного [19, с. 132–134, 144, и др.]. (Напомним, что основатель Березова воевода Н. В. Траханиотов провел там немногим более года, а заложивших Мангазейский острог голов князя М. М. Шаховского и Д. П. Хрипунова-Дубенского сменили еще раньше.)

Быстрый отъезд из Сургута Ф. П. Барятинского предположительно вызван тем, что одновременно на

«Русь» могли вернуться и его отец, и младшие братья. (По утверждению Н. А. Миненко, в 1594 г. князь П. И. Барятинский передал в Тюмени воеводские полномочия Ю. Д. Булгакову [21, с. 44, ср. с. 45], о котором, сказав его фамилию, упомянули составитель тюменского городского списка 1695/96 г. и некоторые сибирские летописцы конца XVII – начала XVIII в. Но этот воевода, вернее, рязанский выборный дворянин Ю. В. Дмитриев, накануне являвшийся в городе на Туре сослуживцем А. И. Баграка Вельяминова, а прежде управлявший Себежем и Воронежем, получил такое назначение 5 июля 1592 г. П. И. Барятинский же, бывший вторым «седоком» в Тобольске и повторно в Тюмени в 1593/94 г., два и три года спустя числился согласно «разрядам» одним из «схожих воевод» в Мценске [7, с. 284, 350, 361; 9, с. 31, 116; 10, с. 41, 79, 104, 114, и др.; ср. 8, с. 505].)

Ф. П. Барятинскому и В. В. Аничкову надлежало «ведати судом и управою и (сперва в размерах, установленных в Тобольске. – Я. С.) ясаком» «волости и городки, которые пошли от Обсково городка от усть Иртиша к новому городу Сургуту, и Соमारовскую волость, и которые волости пошли вверх по Оби к Пегой орде (племенному образованию селькупов. – Я. С.) и выше Пегие орды» [19, с. 130, 131, ср. с. 142]. Видимо, в функции этих «начальных людей» входило разграничение ясачных волостей между Сургутским и Тобольским уездами. Не исключено, что уже при князе Федоре и его «товарище» стало объясняться население Притомья, в частности, бассейна Чулыма – самого крупного правого притока Оби. Впрочем, В. И. Кочедамов явно заблуждался, признавая главных администраторов Сургута первых месяцев его существования основателями Нарымского и Кетского острогов [22, с. 22], ведь они возникли в 1597 и 1601 гг. соответственно.

Этот город был «создан» с целью утверждения русских в Среднем Приобье, а не только ради того, чтобы заставить воинственного князя Пегой орды Воню сделаться вассалом «белого царя», как часто считалось. Ф. П. Барятинскому и В. В. Аничкову следовало привести остяков «под государеву руку» (т. е. заставить их «бить челом» московскому самодержцу, а при необходимости, что требовалось и от О. Т. Плещеева, и от князя С. М. Лобанова-Ростовского «с товарищи», «извоевать» «государевых непослушников») [19, с. 133–135, 138–140, 143, 144]. Поэтому заключение, будто «никаких документальных свидетельств» приведения к шерти (присяге) на верность Федору Ивановичу коренного населения Сибири до 1595 г. не сохранилось [23, с. 175, ср. с. 161, 162, 178, 182], нуждается в оговорках. Надо думать, Ф. П. Барятинский и В. В. Аничков пытались подчинить Воню, который, как явно понаслышке сообщали впоследствии из Сургута в Москву, намеревал-

ся в союзе с Кучумом захватить новую «государеву» крепость «вверх Оби». В случае, если селькупский вождь не подчинится русским, эти «начальные люди» обязывались послать против него «тутошних (живших поблизости. – Я. С.)» и кодских остяков.

Вероятно, те же администраторы занимались комплектованием гарнизона вверенного им города, где по обыкновению требовалось держать «сторожи и караулы... крепкие». Так, скорее всего, осенью 1594 г. туда из Пельма перевели станицу донских, волжских и терских казаков «прибору» атамана Т. Иванова – на первых порах лишь временно, иначе говоря, «годовать»; но затем она осела в Сургуте, в котором летом 1596 г. служили 155 человек [16, с. 99; 20, с. 303, 304].

В боярских списках 1598–1599 и 1606 гг. Федор и Яков Барятинские, а также их братья Иван и Михаил (жильцы в 1588 г.) значатся среди дворян московских; Никита, являвшийся стряпчим с платьем в самом конце XVI в., сделался столичным дворянином в начале царствования Шуйского [4, с. 117, 181, 186, 258; 5, с. 44, 51; 24, с. 139]. Старший сын П. И. Барятинского (в будущем тушинский боярин), как иногда считалось, вошел в ряды московского дворянства вскоре после избрания на трон Бориса Годунова [11, с. 355, 380, примеч. 192; 25, с. 5]. (К. В. Петров, явно заблуждаясь, писал, что это произошло при Михаиле Федоровиче.) Но в перечне участников Земского собора 1598 г. из «Утвержденной грамоты» (далее – УГ) того времени четверо старших сыновей П. И. Барятинского упомянуты в числе жильцов, а в «рукоприкладствах» под обширным документом (где читаем, что князь Федор расписался «и в братьи своей место в князь Яковлево да во князь Иваново да во князь Михайлово», а также за Д. М. Истленьева, в прошлом выборного по Дорогобужу) – дворян московских [5, с. 44, 51]. (Указание на то, что Я. П. Барятинский «руку приложил» к УГ [6, с. 280], неверно.) Отметим, что в перечне есть два списка жильцов, где указаны 13 и 43 человека соответственно. В первом из этих списков, кроме Барятинских, названы А. В. Безобразов, И. Н. Салтыков, И. Л. Мосальский, М. Ф. Апраксин, И. Ш. Бибиков, А. О. Пушкин, Ф. И. Кузьмин, М. С. Дмитриев, П. Г. Совин. В «рукоприкладствах» двое последних значатся в «выборе», а остальные 11 – дворянами московскими. (УГ скрепили подписями 40 жильцов.) Очевидно, за время, разделяющее эти перечни и «рукоприкладства», братьев Барятинских (кроме младшего, оставшегося стряпчим) пожаловали в дворяне московские. С таким чином большинство сыновей П. И. Барятинского фигурирует и в боярском списке, составленном в конце 1598 г. (не ранее 26 октября), – перечне лиц, служивших тогда в столице [26, с. 38]. В этом боярском списке назван единственный жилец – А. В. Безобразов, зато М. С. Дми-

триев, И. Ш. Бибиков, А. О. Пушкин представлены дворянами московскими [4, с. 183, 186; 5, с. 44, 51, 52]. Судя по свидетельствам о Безобразове и Дмитриеве, данный боярский список возник позднее содержащихся в концовке УГ и перечня, и подписей участников Земского собора, санкционировавшего возведение Бориса Годунова на престол.

Изменение чиновного статуса Федора, Якова, Ивана и Михаила Барятинских за время, прошедшее между появлением этого перечня и подписанием УГ, осталось незамеченным в историографии. Думается, указанный перечень мог быть подготовлен до конца октября 1598 г., а «рукоприкладства» под «избирательной грамотой» собирались в первые месяцы следующего года [27, с. 50, 117–119, и др.].

В недавно опубликованной статье Ю. В. Анхимова Ф. П. Барятинский, назначенный в 1601 г. третьим воеводой «нового города» Царева-Борисова, представлен как «жилец, дворянин московский(?)» [28, с. 343]. Относительно того времени бывшего сургутского воеводу следует причислять к дворянам московским [29, с. 86]. Вероятно, среди них князь Федор упоминался и в боярском списке 1602–1603 гг., соответствующие листы которого оказались утраченными [26, с. 40].

Известно, что Ф. П. Барятинский, указанный в чине дворянина московского в боярских книгах 1615 и 1627 гг., вотчинник Луховского уезда, 24 сентября 1617 г. выехал в Швецию для ратификации Столбовского мирного договора и вернулся в Москву через полтора года [25, с. 6; 30, с. 523; 31, с. 143]. Полный тезка первого сургутского воеводы значится в осадном списке 1618 г. среди жильцов, ездивших «по полком» во время обороны столицы от войск королевича Владислава. Владевший затем вотчинами в Галичском, Калужском, Суздальском уездах князь Ф. П. Барятинский [30, с. 48, 121, 221] – это, очевидно, имевший прозвище «Горбун» дворянин, сведения о котором, в частности, его воеводстве «на Таре» и в Севске, относятся и к 1630–1650-м гг. [1, с. 166–167], быть может, сын боровского выборного П. А. Барятинского, погибшего в начале восстания И. Болотникова, или же князя П. Р. Барятинского, весной 1612 г. состоявшего в рядах Второго земского ополчения, а спустя несколько лет числившегося среди стряпчих с платьем и за «московское осадное сиденье» пожалованного вотчиной «на Костроме» [4, с. 190, 236; 5, с. 357; 24, с. 224; 30, с. 33, 121, 220, ср. с. 36; 31, с. 141; 32, с. 10].

Я. П. Барятинский, прославивший «лучшим в роду их», в дошедших до нас документах впервые упоминается с 1588 г., и опрометчиво утверждать [6, с. 279, 280], что этот захудалый князь стал нести службу на год позднее старшего брата – в «зимнем походе» 1589–1590 гг. против шведов к Ругодиву (Нарве).

В боярском списке 1602–1603 гг. сыновья П. И. Барятинского, кроме Федора, указаны среди выборных дворян по Туле с окладами в 400 четвертей (высший оклад, который имели шесть дворян, был в полтора раза больше) [4, с. 224]. Отчего сословное положение этих князей существенно ухудшилось, объяснить затруднительно. Вывод В. И. Корещко, что они очутились в немилости по «делу» Романовых [33, с. 240, 241], представляется маловероятным, ведь какие-либо связи Барятинских с «Никитичами» не прослеживаются. Кстати, в первые годы XVII в. А. В. Безобразов и А. О. Пушкин, ставшие, напомним, дворянами московскими при воцарении Бориса Годунова, тоже состояли в числе выборных (по Вязьме и Бежецкому Верху) [4, с. 205, 212; 32, с. 12]. В «разрядах» иногда даже сообщается, что назначенный в Сургут (вслед за столичными дворянами О. Т. Плещеевым и Ф. Т. Долгоруким, а также С. М. Лобановым из Ростовского княжеского дома) Яков Петров сын «не писался» воеводой [33, с. 240; 34, с. 115; ср. 35, с. 208], т. е. он принимается за письменного голову, подобно его «товарищу» ярославскому выборному В. В. Пивову, служившему еще в 1570 г.

Уже в начале своего «сидения» в этом городе, которое относится к 1601–1603 гг., Барятинский отправил местных служилых людей, включая атамана Т. Федорова и его казаков, «ставить» новый острог (помимо Нарымского и Куныцкого, где «годовали» сургутяне) «на Енисею», как, по наблюдению А. Т. Шашкова, тогда определялись верховья Кети. Во главе отряда, основавшего Кетский (Кунгопский) острог, находился М. В. Лодыгин, а с сеунчем об этом в Москву был послан другой новгородский дворянин – князь И. А. Мещерский [19, с. 146, 172; 35, с. 187; 36, с. 335; 37, с. 5, 20, 40, 58, 62]. (Выводы о сооружении острога на Кети в 1602 г. [13, с. 106; 20, с. 89, 90, 145] должны считаться неточными.)

Еще до того, как в Сургуте Барятинский сменил князя Ф. Т. Долгорукого, вторично очутившись в Сибири, около двух десятков местных служилых (не всем из которых было суждено вернуться обратно) вместе с тоболяками и березовцами совершили чрезвычайно трудный поход в бассейн Таза и в среднем течении этой реки заложили острог. В следующей мангазейской экспедиции, уже под предводительством письменных голов князя В. М. Рубца Мосальского и С. Т. Пушкина (в ходе ее казаки, стрельцы и «литва» достроили заполярный острог и продолжили объясачивание «самояди»), участвовало 30 сургутян наряду с 70 казаками из Березова и сотней «ратных людей», входивших в состав гарнизона Тобольска [7, с. 304, 389; 37, с. 20, 41, и др.]. (Утверждение М. И. Белова, будто в 1601 г. «Тазовского городка» достигла сотня сургутских служилых [38, с. 37], ошибочно.)

Князь Яков, на протяжении двух лет управлявший обширным уездом, включавшим «землицы» по Средней Оби, «прославился» тем, что, по словам П. Н. Буцинского, «не церемонился с остяками, а кнутом и тюрьмою заставлял их выплачивать ясак» [13, с. 92]. В грамоте царя Бориса следующим «градодержателям» Сургута притеснения «иноплеменников» со стороны Я. П. Барятинского и В. В. Пивова квалифицировались как «воровство», «насильства и продажи великие». Недаром в 1602 г. обнаружилась «измена» «в верхних землях» Сургутского уезда, на территории бывшей Пегой орды, пресеченная, однако, русскими властями. (Впрочем, свидетельство новокрещена Н. Осипова о казни по распоряжению Барятинского князца Басарги опровергается документально [19, с. 147–149; 20, с. 89].) Но, согласно данным Е. В. Вершинина, в 1603 г. 11 соболей требовалось взимать и с каждого остяка Белогорской волости Березовского уезда, а в Сургутском уменьшить ясачный платеж до 9 соболей московские власти разрешили лишь весной 1610 г. [20, с. 387–389, 404, 413–414, и др.].

Осенью 1601 г. местный атаман Б. С. Зубакин и князец Кинема – старший из сыновей Бардака – совершили поход из Сургута на Пур-Юган для объясачивания «кузнецких» самоедов, однако выяснилось, что те вносят «пушную подать» в заложенный накануне Мангазейский острог [14, с. 100–101; 19, с. 146–147].

В то время, когда в Сургуте «разряд чинил» Я. П. Барятинский, точнее, в 1601/02 г., над воротами, расположенными в юго-восточной стене «города», была выстроена шатровая Спасская башня [39, с. 119, 122].

При князе Якове и его непосредственном предшественнике сургутские власти оказались в подчинении у «большого» тобольского воеводы, возглавлявшего разряд – первый в «русской» Сибири, да и в России вообще, хотя не утратили права обращаться в Москву [40, с. 253, 261; ср. 34, с. 65]. Заметим, что еще Ф. П. Барятинскому и В. В. Аничкову предписывалось выстроить новую крепость там, где «приговорит» князь Ф. М. Лобанов-Ростовский, «сидевший» в городе, названном «реки ради Тобылы»; туда же первым сургутским администраторам следовало отправлять собранный с остяков и селькупов ясак [19, с. 129, 130; ср. 7, с. 347, 423]. По мнению В. И. Сергеева (которое разделял А. П. Павлов), «Югорская земля» «переходила в подчинение тобольских воевод, в состав организующегося Тобольского разряда» с 1593 г. [41, с. 177, 179], когда в низовьях Северной Сосьвы выросли стены и башни Березова. Но до образования в 1599 г. этого разряда Березов и Сургут в значительной мере пользовались административной самостоятельностью. С течением времени она ущемлялась в пользу

старших «наместников» будущей столицы Азиатской России.

Как сетовали воевода Ф. В. Головин (представитель знатного рода, попавшего в опалу вскоре после воцарения Федора Ивановича) и письменный голова Г. И. Писемский, под начало которых Сургут перешел в 1603 г., там при предыдущих «седоках» в разнообразных «посылках и острогах» умерли или были убиты 115 служилых людей [15, с. 121, и др.], очевидно, со времени основания города. (Его гарнизон в 1601 г. насчитывал 280 человек.) Я. П. Бярятинский со своим «товарищем», вынужденные отправлять годовальщиков в Нарымский, Кетский и Кунацкий остроги, наверняка старались компенсировать убыль сургутских казаков, стрельцов, «литвы» и черкас, но едва ли в этом всерьез преуспели. (Известно, что Ф. В. Головину с Г. И. Писемским удалось «прибрать» в ряды гарнизона нового города, «поставленного» «вверх Оби», только 40 человек.)

Князь Яков, скорее всего, избежал кары за насилие над ясачными «иноземцами». Примечательно, однако, что ему в отличие от старшего брата, вслед за Сургутом управлявшего Царевым-Борисовым, Ивангородом (в течение трех лет, до середины 1608 г., а не на протяжении 1606–1607 гг., как писал И. О. Тюменцев [11, с. 579; 42, с. 138; 43, с. 40, 74, 205]), Ярославлем, Новгородом Северским, Переславлем-Рязанским, Казанью, после 1603 г. ни разу «градодержателем» служить не довелось. Я. П. Бярятинский, правда, назначался в Новгород Северский осенью 1605 г. и в Алексин два года спустя [43, с. 2, 13, 27–28, 70, 132, 182, 192, 211, 239], но при вторжении отрядов первого самозванца в южнорусские уезды и в начале движения Лжедмитрия II должен был выполнять главным образом военные функции. Яков Петров сын, кстати, отличился в ходе обороны Новгорода Северского, получив в награду «золотой», а на свадьбе московского «цесаря» 8 мая 1606 г. присутствовал в числе столичных дворян [31, с. 66; 43, с. 80, 136].

Изучение административной и военной деятельности князей Ф. П. и Я. П. Бярятинских, ведавших Сургутом при его основании и в самом начале XVII в., позволяет весьма отчетливо судить о главных аспектах политики правительства Бориса Годунова в Северо-Западной Сибири в первые годы ее русской колонизации, а также основных чертах складывавшейся в этом громадном крае новой системы управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петров К. В.* Князья Бярятинские и Сибирь (конец XVI – XVII вв.) / К. В. Петров // Сургут, Сибирь, Россия : междунар. науч.-практ. конф., посвященная 400-летию города Сургута : тез. докл. – Екатеринбург : Волот, 1994.

2. *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.) / А. П. Павлов. – СПб. : Наука, СПб. отделение, 1992.

3. *Зимин А. А.* Опричнина / А. А. Зимин. – М. : Территория, 2001.

4. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. (далее – БСР) : в 2 ч. – М. : [б. и.], 1979. – Ч. 1.

5. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею Императорской Академии Наук : в IV т. – СПб. : Типография II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. – Т. II.

6. *Леонтьев Я. В.* «Предаст же брат брата на смерть...» (воевода князя Скопина-Шуйского Я. П. Бярятинский и тушинский воевода в Ярославле Ф. П. Бярятинский) / Я. В. Леонтьев // Смутное время в России в начале XVII в. : поиски выхода. К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле : мат-лы междунар. науч. конф. (Ярославль, 6–9 июня 2012 г.) / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. Н. Козлякова. – М. : 2К, 2012.

7. *Миллер Г. Ф.* История Сибири : в III т. / Г. Ф. Миллер. – 2-е изд., доп. – М. : Восточная литература РАН, 1999. – Т. I.

8. Разрядная книга 1475–1598 гг. – М. : Наука, 1966.

9. Разрядная книга 1475–1605 (далее – РК) : в IV т., XII ч. – М. : [б. и.], 1987. – Т. III, ч. II.

10. РК : в IV т., XII ч. – М. : [б. и.], 1989. – Т. III, ч. III.

11. *Тюменцев И. О.* Смутное время в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II / И. О. Тюменцев. – М. : Наука, 2008.

12. *Солодкин Я. Г.* «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы истории и источниковедения / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск : Нижневарт. гос. ун-т, 2015.

13. *Буцинский П. Н.* Соч. : в 2 т. / П. Н. Буцинский / под ред. С. Г. Пархимовича ; сост. Ю. Л. Мандрика. – Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 2.

14. *Вершинин Е. В.* Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках / Е. В. Вершинин // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири (далее – МИИСЗС). – Екатеринбург : УрГУ, 2002.

15. Древний город на Оби. История Сургута. – Екатеринбург : Тезис, 1994.

16. *Пузанов В. Д.* Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.) / В. Д. Пузанов. – Сургут : Таймер, 2011.

17. *Дмитриев А.* Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае : в VIII вып. / А. Дмитриев. – Пермь : Типография Н[аследни]ков П. Ф. Каменского, 1895. – Вып. VI.

18. Первое столетие сибирских городов. XVII век. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. – (История Сибири. Первоисточники. – Вып. VII).

19. *Вершинин Е. В.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда / Е. В. Вершинин, А. Т. Шашков // МИИСЗС. – Екатеринбург : УрГУ, 2002.

20. *Вершинин Е. В.* Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. / Е. В. Вершинин. – Екатеринбург : Демидовский институт, 2018.
21. *Миненко Н. А.* Тюмень. Летопись четырех столетий / Н. А. Миненко. – СПб. : Русь, 2004.
22. *Кочедамов В. И.* Первые русские города Сибири / В. И. Кочедамов. – М. : Стройиздат, 1978.
23. *Зуев А. С.* Под сень двуглавого орла : инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. / А. С. Зуев, П. С. Игнаткин, В. А. Слугина. – Новосибирск : ИПЦ Новосибирского государственного университета, 2017.
24. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608 : сб. док. – М. : Наука, 2003.
25. *Солодкин Я. Г.* Первые воеводы и головы Сургутского уезда / Я. Г. Солодкин // *Западная Сибирь : история и современность. Краеведческие записки* : в XVI вып. – Екатеринбург : Уральский рабочий, 1999. – Вып. II.
26. [Мордовина С. П.] Вступительная статья / С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский // БСР : в 2 ч. – М. : [б. и.], 1979. – Ч. 1.
27. *Солодкин Я. Г.* Московское государство накануне Смуты. Спорные проблемы политической истории рубежа XVI–XVII веков / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск : Нижневарт. гос. ун-т, 2013.
28. *Анхимюк Ю. В.* К истории русской колонизации Дикого поля : гарнизон крепости Царева-Борисова в конце XVI – начале XVII в. / Ю. В. Анхимюк // *Российское государство в XVI – начале XVIII века* : сб. статей к 70-летию Андрея Павловича Павлова. – СПб. ; М. : Старая Басманная, 2022.
29. *Солодкин Я. Г.* Из ранней истории Царева-Борисова / Я. Г. Солодкин // *Проблемы изучения истории Центрального Черноземья* : сб. статей памяти профессора В. П. Загоровского (1925–1994). – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000.
30. Осадный список 1618 г. / сост.: Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. – М. ; Варшава : Древлехранилище, 2009. – (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. – Т. VIII).
31. Акты Московского государства, изд. Императорскою Академиею Наук под ред. Н. А. Попова, члена-корреспондента Академии : в III т. – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1890. – Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634.
32. БСР : в 2 ч. – М. : [б. и.], 1979. – Ч. 2.
33. *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. / В. И. Корецкий. – М. : Наука, 1986.
34. РК : в IV т., XII ч. – М. : [б. и.], 1994. – Т. IV, ч. I.
35. Разрядная книга 1550–1636 гг. : в II т., 4 вып. – М. : [б. и.], 1976. – Т. II, вып. 1.
36. *Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков / Ю. В. Анхимюк. – М. : Древлехранилище, 2005.
37. *Солодкин Я. Г.* Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий : очерки ранней истории / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск : Нижневарт. гос. ун-т, 2018.
38. *Белов М. И.* Мангазея / М. И. Белов. – Л. : Гидрометеоздат, 1969.
39. *Вершинин Е. В.* Городовые (острожные) укрепления Сургута в XVII в. / Е. В. Вершинин, Г. П. Визгалов // *Северный регион : наука, образование, культура*. – 2020. – № 1 (45).
40. *Бахрушин С. В.* Научные труды : в IV т. / С. В. Бахрушин. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – Т. III, ч. 1.
41. *Сергеев В. И.* Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов / В. И. Сергеев // *Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова*. – М. : Наука, 1967.
42. Акты исторические, собранные и изданные Археологическою Комиссиею : в V т. – СПб. : Типография II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. – Т. II.
43. *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (1711–1712 гг.) / С. А. Белокуров. – М. : Типография Штаба Московского военного Округа, 1907.

Нижневартовский государственный университет
Солодкин Я. Г., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и документоведения
E-mail: hist2@yandex.ru

Nizhnevartovsk State University
Solodkin Ya. G., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Records Management
E-mail: hist2@yandex.ru